

Владислав КОЗОДОВ

СТОЛЫПИН НА АЛТАЕ: ВЕШАТЕЛЬ ИЛИ ВЕРШИТЕЛЬ?

2. Казнь на Лысой горе

«Казнь происходила на Лысогорском форте. Это часть упраздненной киевской крепости, находящейся в 4-х верстах от «Косого капонира», где содержался Богров.

Приготовление к казни началось в воскресенье вечером на Лысой горе (где, по Гоголю, справляли свой шабаш ведьмы. — Авт.). На Лысой горе была сооружена виселица и вырыта яма, куда после казни должен был быть зарыт казненный. Вся местность, прилегающая к Лысогорскому форту, была тщательно обыскана полицией, ротой пехоты и конными жандармами. В воскресенье с вечера (казнь совершалась 11 сентября в понедельник. — Авт.), были расставлены кругом казаки, оцепившие плотным кольцом место казни.

В первом часу ночи в Печерский полицейский участок прибыли товарищ прокурора, помощник секретаря суда, полицеймейстер, два его помощника, пять приставов, наряд городских и околоточных, городской врач, еврейский общественный раввин. Кроме официальных лиц, в участке находилось около 30-ти «союзников» и правых, в т. ч. товарищ председателя киевского клуба националистов, сотрудник «Нового времени» Анатолий Савенко. Все они получили разрешение присутствовать при казни. Были поданы почтовые лошади, все уселись в кареты и выехали на Лысую гору.

Когда дежурный офицер вошел в «Косой капонир» в камеру Богрова, тот спал. Его разбудили. Богров сразу догадался, в чем дело, и стал поспешно одеваться. Оделся он в тот же фрак, в каком был в театре в день покушения. Богрову стали связывать руки.

— Пожалуйста, покрепче завяжите брюки, — обратился Богров к офицеру, — а то задержка выйдет.

Больше Богров в камере не проронил ни слова. Из камеры Богрова вывели за руки двое городских, усадили в черную арестантскую карету и под усиленным конвоем конной жандармерии отвезли на Лысую гору. Здесь его уже поджидали должностные лица и вся «публика», прибывшая из участка.

Когда Богрова вывели из кареты, «союзники» стали его рассматривать. Один из офицеров приблизил к его лицу электрический фонарик.

— Лицо как лицо, ничего особенного, — сказал Богров.

— Это он? — спросил «союзников» товарищ прокурора.

— Он, он, — зашумели «союзники».

Раздавались также возгласы: «Да я его в театре здорово колотил!» «И я его бил!» «И я!»

Богров держал себя спокойно и разглядывал собравшихся, освещенных светом фонарей. Кто-то из «союзников» стал иронизировать над фраком Богрова. Услыхав это, Богров заметил:

П. А. Столыпин с супругой Ольгой Борисовной.

— Пожалуй, в другое время мои коллеги адвокаты могли бы мне позавидовать, если бы узнали, что я уже столько времени не выхожу из фрака.

Помощник секретаря окружного суда стал громко читать приговор. Богров выслушал его спокойно.

— Может быть, желаете что-нибудь сказать? — спросил его товарищ прокурора.

— Да, желаю, — ответил Богров, — но не в присутствии полиции.

— Это невозможно, — возразил товарищ прокурора.

— Если невозможно, — сказал Богров, — тогда извольте приступить к делу.

К Богрову подошел палач. Он связал ему руки назад, повел к виселице, надел на него саван. Саван был накинута неловко, так что Богров спросил: «Голову поднять выше, что ли?»

Затем на шею Богрова была накинута веревка. Богрова подвели к виселице. Он сам взмог на табуретку. В этот момент палач вытолкнул табуретку из-под ног Богрова. Тело повисло. В таком положении, как это требует закон, тело висело в течение 15 минут. Царила глубокая тишина. Факелы по-прежнему горели. Кто-то сказал: «Теперь стрелять не будет». «Не время теперь разговаривать», — возразил какой-то голос.

Палач снял тело. Подошли врач и «союзники». Врач констатировал смерть. Труп положили в яму, накрыли досками, засыпали землей. Все это в общем продолжалось около 45 минут.

Когда все окончилось, над Киевом рассветало».

Так описывала казнь Богрова газета «Русское слово». Рассвет здесь как бы символический, хотя на самом деле, все то, что произошло в Киеве, я бы назвал сумерками. Уже в германском генштабе составлялись планы войны со славянством, не утихали балканские распри, внедрился в царские хоромы Распутин. Государственная Дума продолжала нескончаемую говорильню, ибо реальной власти за ней не было...

Когда я начинал писать о Столыпине, главной своей задачей считал не изучение личности премьер-министра, а сути его реформ. В какой степени мне это удалось, судить читателю. Но уже одно то, что мы сейчас, через восемьдесят с лишним лет после начала столыпинских реформ, вновь заговорили о частной собственности на землю — а это лежало в основе целеустремленных замыслов премьера — говорит о его предвидении. В свете столыпинских реформ земельные программы народников, эсеров, большевиков выглядят утопичными. Уже это-то мы испытали, как говорится, на своей шкуре.

И возникает вопрос: кому же нужна была смерть Столыпина, так и оставшаяся загадкой? Вообще, многогрудальная Русь полна загадочных политических убийств. Как будто на ней с древних времен поселился и действовал буглаковский Воланд. И всюду прослеживается одна и та же схема: убийство, быстрый суд над убийцами и забвение на десятки, а то и сотни лет.

За примерами не нужно далеко ходить, то же покушение на Ленина, убийство Кирова. А уж о рядовых исчезновениях и говорить нечего. У видных людей хоть могилы известны, могилы миллионов людей, исчезнувших бесследно, остались безымянными.

Сократ, испивши смертную чашу в окружении друзей и учеников, был хотя бы спокоен за свое учение, за нетленность мысли. В нашей истории убийство сопровождалось забвением или искажением и дел и помыслов жертв. И как-то получалось так, что убийство было как бы случайным, убийца одиночкой, а если ему и приписывались сообщники, то надуманные. А ведь суть в главном — кому же было выгодно убийство того или иного государственного деятеля? Если бы мы дотошно и беспристрастно исследовали все политические убийства и докопались до истины, в каком бы неприглядном свете предстала бы вся наша история! И не имелось ли оснований думать, что те или иные повороты истории были не закономерностью, как нам утверждали, а злонамеренностью определенных групп, партий, масонских лож. Навивно же думать, что Богров, стрелявший в Столыпина, был убийцей-одиночкой. Так кто же он был? Я скрупулезно изучил сообщения газет по поводу убийства Столыпина и, хотя в них тоже много недомолвок, но с высоты времени можно прийти к кое-каким выводам.

Итак, начнем с рокового выстрела. Первое сообщение о покушении на Столыпина, с которым я познакомил читателей в четвертом номере альманаха «Алтай» за 1990 год, было неточным и написано оно, судя по всему, с чьих-то слов. Не было там ни пения «Боже, царя храни», ни всеобщего патристического экстаза. Не было и явления царя для успокоения публики, он сразу же покинул ложу. А что же было?

«По словам очевидцев, в момент, когда грянул выстрел, произошло что-то невероятное. С дамами произошла истерика, обмороки. Шум, крики вызвали ужасную суматоху. П. А. Столыпина вынесли на руках, положили на диван. Все входы моментально были закрыты. Не выпускали никого, даже министров.

Театр был окружен полицией, войсками. Большая часть зрителей, находящихся в театре, задержана.

Одновременно с тем, как я видел Столыпина, заметил какого-то человека во фраке, отбивающегося от военного. Это и был стрелявший. Он успел освободиться от рук военного и бросился было бежать, но какая-то из дам крикнула: «Бейте его!» На него набросились зрители. Произошла давка. Стрелявшего стали тащить, мать. Блеснула чья-то обнаженная шашка. Это из ложи выскочил прямо в толпу какой-то человек.

Стрелявшего вытащили из зала и арестовали» («Русское слово»).

«Покушавшийся был обыскан в театре же, в буфете, в присутствии высших властей. Другого оружия, кроме браунинга, при нем не нашли.

Лицо стрелявшего носило следы побоев, все в кровоподтеках, вспухшее, на голове поперечная сеченая рана.

Иногда придерживая руками голову, вероятно, от боли, он вел себя спокойно, давая определенные и подробные показания («Утро России»).

«На лбу стрелявшего большая шишка. Кто-то из ложи графа Потоцкого ударил его биноклем. Кроме того, у него на теле много кровоподтеков и разорван костюм.

Передают разговор между стрелявшим и прокурором. «Столыпин — гость Киева, вы киевлянин, и все же пренебрегли элементарными правилами гостеприимства». Стрелявший ответил: «Столыпин — министр, а я убежденный террорист».

После допроса на руки стрелявшего надели наручники. Он протестовал, заявляя: «Мне больно». Кроме наручников, ему связали руки веревкой и отправили в крепость на Печерской улице» («Русское слово»).

«По дороге в крепость из театра покушавшийся обратился к одному из сопровождавших его полицейских с просьбой дать ему сигарету.

— Вся эта история меня так взволновала, я до сих пор не могу очнуться, — сказал он» («Киевский вестник»).

Очень много подобных сообщений было помещено в газетах от имени Российского телеграфного агентства. Очевидно, так оно все и было. Выстрелы, паника, самосуд. Почему же террорист уцелел и даже был судим? На этот счет существует пока что две версии, вернее, три. Одна наша, советская, энциклопедическая. Дескать, покушавшийся на жизнь премьера был представителем левых эсеров. Тут есть своя логика. Эсеры не брезговали террором, их боялись больше, чем каких-то теоретиков-большевиков. На их счету были умерщвленные светлейшие князья, два министра внутренних дел, губернаторы. А уж мелких государственных чинов и не считать. Но есть тут одна заковыка, которую то ли просмотрели составители энциклопедии, то ли сделали это умышленно. Если убийцы Столыпина левые эсеры, то эту честь они могут разделить с большевиками. Ведь в коалиционное первое советское правительство вошли и левые эсеры. Вместе с большевиками они бойкотировали Учредительное собрание. Да и программа Столыпина им одинаково была ненавистна. Это потом они разругались, и большевики объявили эсеров врагами номер один. И убийство Столыпина можно было отнести на их счет, как и убийство многих других, в том числе видных большевиков. Таким образом, большевики выглядели партия в белых перчатках, отвергающей любой террор. О красном терроре говорить многие десятилетия было не только не принято, но и небезопасно.

Другая версия, высказанная покойным ныне, прекрасным писателем Валентином Пикулем — убийство Столыпина дело рук охраны. Вообще, в советской литературе он первый занялся исследованием этого загадочного убийства в ходе работы над романом «У последней черты». Роман был впервые опубликован в журнале «Наш современник» в 1979 году. А вскоре на него обрушились гонения. Журналы были изъяты из библиотек, а главный идеолог того

времени Суслов на совещании идеологических работников гневно клеймил Пикуля за увлечение авантюриными героями. Имелся в виду Распутин. Но причина гнева, на мой взгляд, была совсем в ином. Загнивание самодержавия, продажность чиновников, коррупция, разгул уголовщины слишком напоминали то, что творилось в брежневских кругах значительно позднее. Роман «У последней черты» даже не упоминался в предисловиях к последующим книгам Пикуля. Только в перестроечное время он вышел отдельным изданием в Риге, где жил писатель. Вот как описывает покушение Валентин Пикуль.

«Коковцев (министр финансов, после смерти Столыпина — премьер-министр. — Авт.) направился к выходу и в узком проходе лицом к лицу столкнулся с идущим навстречу молодым человеком в пенсне. Это был Богров, театральной афишей прикрывающий оттопыренный карман с оружием. Возле самых дверей Коковцева остановил сухой и отрывистый треск, характерный для стрельбы из браунинга. Было всего два выстрела — одна пуля прошла руку Столыпина, другая погрузилась в печень диктатора и застряла в ней. Коковцев сразу же повернул обратно, но пробиться через публику оказалось невозможно. В театре началась паника! Заторможенный Коковцев беспомощно крутился меж кричащими дамами, и только сейчас он смутно начал догадываться, что его, как царя Гвидона, волнами толпы прибавает к сказочному граду, где и попросят занять освободившееся место человека, который сейчас провис через оркестровый барьер...

...При первом же выстреле Череп-Спиридович (полковник, начальник жандармского отделения. — Авт.) выхватил шашку и бросился на Богрова, чтобы в крутом размахе разрубить ему череп. Но к Богрову было уже не пробиться — толпа, озверевшая и кричащая, растерзывала его, и тогда Череп-Спиридович (весьма дальновидный) отбежал к царской ложе, где, не убирая шашки, встал подле царя, демонстрируя перед ним свою боевую готовность. Богрова убивали! Жандармский полковник Иванов кинулся спасать его. Не впутанный в курловские интриги, Иванов твердо понимал одно — Богрова надо сохранить для следствия. Этим-то он и спутал все карты игры Курлова.

Человек страшной физической силы, Иванов разбросал публику и выдернул Богрова из толпы. После этого одним молниеносным рывком он воздел убийцу над собой, держа его словно напоказ на вытянутых руках. Весь театр видел, как Богров, описав плавную траекторию, перелетел через барьер и рухнул прямо в оркестровую яму, круша под собой хрупкие попытывы обалдевших музыкантов. Вслед за ним прыгнул и сам полковник Иванов, сразу заломивший руку провокатора.

— Теперь ты мой, — сказал он, лежа поверх Богрова...

...Коковцев заглянул внутрь санитарной кареты: Столыпин лежал на полу, бутылки его почему-то были расшнурованы, рубашка задрана, на животе виднелось красное пятнышко — след пули, ушедшей

внутрь. Лошади трясли карету по булыжным мостовым — ехали на Малую Владимирскую, в частную клинику доктора Маковского. Столыпин страдальчески выхрипывал из себя:

— Я знал, что этим все кончится... Мне теперь уже безразлично, откуда летели пули — слева или справа!

Премьера сразу же отнесли на операционный стол. В три часа ночи в фаянсовую чашку звонко брякнулась пуля, извлеченная из печени. Коковцев спросил Маковского — как дела? Доктор ответил, что положение слишком серьезное.

— Есть ли надежда, что Столыпин выживет?

— Вряд ли... все-таки — печень.

Санитары вывели в коридор Ольгу Борисовну; увидев Коковцева, женщина без слез, но яростно прошептала:

— Этого бандита Курлова я бы сама убила...

Коковцев позвонил в Николаевский дворец, чтобы сообщить царю о смертельном ранении Столыпина, но дежурный чиновник сказал ему:

— Его величество сразу, как вернулись из театра, попили чайку и преспокойно легли спать... Велели не будить».

В основном все здесь изображено точно, за исключением некоторых беллетристических деталей. Например, ополковнике Иванове ни в одном газетном сообщении не упоминалось. А уж такой-то факт газетчики бы не пропустили. Операции Столыпину не делали, в то время еще на печени делать не научились. Не было рядом и жены Столыпина Ольги Борисовны Бергардт, она приедет позже. Но это детали не существенные. Главное то, что Пиккуль обвиняет в заговоре заместителя министра МВД Курлова и начальника охранного отделения Киева полковника Кулябко.

На это намекали и газеты того времени. Но присмотримся пока к личности убийцы.

«Помощник присяжного поверенного Богров Дмитрий Григорьевич, покушавшийся на жизнь Столыпина, сын киевского присяжного поверенного Г. Г. Богрова.

Богров 5 лет назад окончил местную гимназию с отличием. В прошлом году (1910. — Авт.) он окончил курс юридического факультета Киевского университета и записался помощником к присяжному поверенному С. Г. Кривцову.

Проживающие в Одессе дяди Богрова, известные здесь врачи, заявили корп. «Русского слова», что Богров всегда отличался невравнодушным характером и болезненностью, увлекался политикой, сочувствуя самым крайним революционным партиям и симпатизируя идеям анархизма. Активных выступлений от него, однако, трудно было ожидать.

Дед Богрова был видным публицистом по еврейским вопросам. Особенным успехом пользовались его «Записки еврея». Впоследствии он принял православие. Его примеру последовала почти вся семья Богровых» («Русское слово»).

«Сын состоятельных родителей — ре-

волюционер и агент охранки является странностью.

...В петербургских клубах его знали прекрасно. Здесь он оставлял иногда по несколько сот рублей за вечер, объясняя это тем, что отец дает ему деньги на подобную жизнь. Отмечая, что это очень понятно, его отец когда-то вел очень крупную денежную игру в карты и поэтому, возможно, он прощает эту как бы наследственную слабость сыну. О Богрове в Петербурге отзываются как о человеке, одинаково способном пойти на виселицу и провести целую ночь за карточным столом.

С детства далекий от еврейской среды и вращающийся среди «золотой молодежи» Киева, впитавший ее замашки и тон, он уделял немало внимания своей внешности, одеваясь у лучших портных. Телеграммы из Киева подтверждают его хладнокровие и спокойствие. Люди, знающие его в Петербурге, говорят, что это отличительная его способность. Он спокойно говорил о смерти и вместе с тем не раз мечтал о том, как было бы хорошо сорвать банк в Монте-Карло.

В твердость его взглядов, в независимость его принципов люди, видевшие его за зеленым столом и в кафе-штангане, сомневаются... Возможно, что линия наименьшего сопротивления могла привести его в охранное отделение.

Было ли покушение на Столыпина вызвано желанием Богрова искупить свою охранную деятельность или охранка была путем к осуществлению революционных замыслов — в этой загадке в петербургском обществе разобраться не могут» («Утро России»).

«За несколько дней до торжеств Богрову принесли новую фракную пару. К вечеру 1-го сентября, в день народного спектакля, он облачился во фрак и долго прихорашивался перед зеркалом. Домашние спросили:

— Куда это ты таким франтом?

Он ответил:

— Иду в гости.

Но пошел в театр» (Киевское телеграфное агентство).

«Нам доставили из Киева портрет Богрова, который мы воспроизвести не можем по причинам от нас независящим.

Судя по портрету, Богров далеко не дегенерат, как его характеризовали вчера в «Утре России». Он вовсе не плешив. На портрете это элегантный молодой человек. Густые волосы на голове острижены бобриком, безусое и безбородое лицо глядит открыто, на большом носу пенсне».

«Нужно ли говорить о том, насколько опасны могут быть люди, которые играют двойственную роль.

Если Азеф в течение десяти лет помогал революционерам (а он был не один), почему не допустить возможность одного или нескольких революционеров, обманывающих полицию и пользующихся ее доверием для своих целей» («Русские ведомости»).

«За П. А. Столыпиным молодой Богров, как утверждают, охотился около четырех лет. Распространился и упорно держится слух, что Богров был не только

членом центрального комитета социал-революционной партии, но в то же время состоял на службе охранного отделения, снабжая его сведениями о подпольных организациях и в то же время подготавливая свое преступление. Та же газета из осведомленных источников сообщает, что вопрос о совершении крупных террористических актов был поднят на состоявшейся несколько недель тому назад в Париже конференции партии с.-р. Несмотря на протесты некоторых делегатов из России, конференция подавляющим большинством голосов высказалась за возобновление террора.

Через некоторое время после конференции в департаменте полиции и в охранном отделении стали получать сведения о подготовке тер(—)актов. Между прочим, было получено сообщение, что на Столыпина готовится покушение и что во главе организации стоит один из членов присяжной прокуратуры.

Несколько времени назад были произведены в Петербурге обыски у интеллигентных лиц, причем были арестованы три помощника присяжных поверенных по подозрению в принадлежности к партии с.-р. Вскоре они были освобождены за недостатком улик» («Голос Москвы»).

«Одна из газет передает, что покушавшийся на Столыпина был настоящим провокатором. Революционеры, заподозрив его в предательстве, предложили ему на выбор: или оправдаться убийством Столыпина, или самому быть убитым».

«В Киеве после покушения состоялась манифестация «союзников», громивших в речах охранку. Они разогнаны. Главарь — студент Голубов — арестован».

«На сходке «союзников» выступили ораторы, призывающие к погрому евреев. Особенно горячо и страстно призывал к погрому какой-то студент. На смену ему выступил старик-«союзник», убеждавший «ничего не предпринимать до 6-го сентября (предполагаемая дата отъезда царя из Киева. — Авт.), а потом можно будет».

«Под влиянием слухов о погромах, якобы предстоящих после отъезда из Киева Высоких особ, евреи сотнями начинают поспешно покидать город, среди еврейской бедноты царит неопишущая тревога» («Жизнь Алтая» — перепечатки из разных газет).

«В Ялте приезжий Николаев под впечатлением телеграмм из Киева вообразил себя министром и отчаянными криками: «Спасите, я ранен, за мною гонятся!» — переполошил всех соседей».

«На границе арестован возвращающийся в Россию отец Богрова».

«Из Киева евреи бегут, на вокзале нельзя пробиться. Им категорически заявили, что погромы не будут допущены».

«По слухам, у Богрова имелись сообщники. Покушение связывают с самоубийством неизвестного в кабинете начальника охранного отделения Кулябко накануне торжеств. После покушения Кулябко требовал доставления Богрова в охранное отделение, чтобы путем убеждения заставить Богрова покончить жизнь самоубийством, скрыть концы».

«В Киеве в воскресенье, во время манифестации толпа кричала: «Кулябко — убийца!»

«На место Кулябко назначен начальник варшавского отделения». (Из телеграмм.)

«По словам «Утра России», возникло подозрение, что слухи о службе Богрова в охранном отделении и крупных услугах, им оказанных охранке, распускаются кругами, заинтересованными в уменьшении вины тех, на ком лежит ответственность за доверие к Богрову.

Приехав из Петербурга, Богров явился к Кулябко и сказал ему:

— С.-р. решили убрать Столыпина и Кассо (министр просвещения. — Авт.). Для осуществления приговора в Киев командированы «Нина Александровна» и «Николай» (у Пикуля — Николай Яковлевич. — Авт.). Я могу предложить услуги по наблюдению за прибывшими, которых знаю в лицо, и выдам их, если они появятся вблизи Столыпина или Кассо.

Кулябко отнесся к его словам с доверием и поручил Богрову охрану Столыпина. О готовящемся покушении Кулябко доложил секретарю Столыпина Граве и адъютанту, прибавив, что для охраны Столыпина приняты все меры.

Богрову был выдан билет в сад купеческого собрания, а затем и для входа в театр за час до начала спектакля.

Какую «Нину Александровну» и «Николая» Кулябко с Богровым подстерегали в театре — непостижимо. Раз этой «Нине Александровне» Кулябко не выдавал билета, она не могла появиться в театре.

В театре Богров колебался. Увидев слабость охраны, он стал думать о совершении более ужасного преступления. (Убийство царя. — Авт.). Его удержала боязнь еврейского погрома.

После первого акта Богров вышел из театра, при выходе у него был отобран билет. По-видимому, он осматривал подъезд царской ложи» («Жизнь Алтая»).

А сейчас давайте остановимся и поразмыслим над полученной информацией. Тут нам в пору, как тому ялтинскому пьянице, закричать: «Меня ранили!» Но кое-что можно обобщить. Что Богров был провокатором охранки, несомненно. Он и билет получил в охранке в ряд № 18 кресла 406. А вот что он был членом какой-либо партии — ни во время следствия, ни в суде доказано не было. Не взяла на себя ответственность за это покушение ни одна политическая партия. Хотя такое признание в любом случае прибавляло ей веса. Заговор охранки... С какой целью? Недовольство царя Столыпиным, который своей внушительной фигурой заслонял его? Но царь мог убрать его еще задолго до покушения, когда Столыпин подал заявление об отставке, измученный нападками слева и справа. Возможно, Курлов надеялся после устранения Столыпина занять его место. Но ведь он отвечал за охрану высоких особ, и такой провал, как убийство второго после государя человека, поощрения не обещал. К тому же роль охранки никак нельзя было скрыть. Все билеты выдавал городской голова Дьяков и скрупулезно

записывал, кому и на какие места они выданы. Охранка была достаточно опытной и не знать этого не могла. К тому же особым циркуляром появление провокаторов вблизи царских особ запрещалось. Появление Богрова в купеческом саду, а затем в театре было грубейшим нарушением инструкции. Охранка могла пойти на это, если только действительно поверила в террористов, которых знал в лицо лишь Богров. Возможно, охранка рассчитывала на убийство Богрова в театре, но ведь и тогда его причастность к охранному отделению скрыть было невозможно. Да, Кулябко требовал передачи Богрова из прокуратуры в охранку, но если он был членом партии с.р., то им и должна была заниматься охранка. К тому же Кулябко, возможно, просто хотел набить ему физиономию, ведь вся его карьера рушилась. Так кто же стоял за спиной Богрова? Среди калейдоскопа сообщений того времени меня заинтересовало следующее:

«Охранным отделением задержано в Москве лицо, приехавшее из-за границы, назвавшееся Михаилом Тарасовым и предъявившее на это имя русский заграничный паспорт. Задержанный оказался беглым из Сибири А. И. Рыковым, давно состоящим в подозрении, как видный член российской социал-демократической партии. При задержании у Рыкова обнаружены компрометирующие многих документы и адреса».

Конечно, никакой тут связи между покушением и приездом Рыкова нет. И все же... Кстати, по иронии судьбы в двадцатые годы Рыков станет председателем Совнаркома или, попросту, премьер-министром.

Кулябко тоже был вскоре взят под стражу. И хотя следствие было вроде независимым в лице киевского прокурора Чаплинского и следователя по особо важным делам Фененко, не может не удивлять быстрота его. И по менее важным делам следствие иногда растягивалось на месяцы, а то и на годы. А тут убийство премьер! Буквально через полторы недели состоялся суд, а 11-го — казнь Богрова. Так неужели за убийством Столыпина стоял кто-то из приближенных царя? Для угодников и тени недовольства на лице царя достаточно. Уже всю гипотизировал царскую семью Григорий Распутин, которого Столыпин, как говорится, в упор не видел. Был Распутин и на торжествах в Киеве. Однако Николай II, как мы знаем теперь, не запятнал себя политическими интригами, да и какого-то соперника в Столыпине он не мог видеть. Это не зам., который может стать начальником. Столыпин царем стать не мог, к тому же он был верным монархистом, стоял за сильную власть. Царь не покинул его в беде, лучшие врачи боролись за жизнь Столыпина, в т. ч. личный врач царской семьи Боткин. Несколько раз царь проводил раненого премьера и уехал из Киева только после его смерти. На похороны он не остался, не стал рисковать, для него тоже не было ясно, кто стоял за Богровым и какие новые планы у террористов.

Однако Валентин Пикль прямо намекает в своем романе на причастность

к убийству царя. Перед отъездом в Ливадия царь пообещал Коковцеву пост премьер-министра и при этом сказал:

«— Надеюсь, — отчеканил он на прощание, — вы не станете заслонять меня, как это делал покойный Столыпин».

В этой фразе затаилась разгадка убийства Столыпина.

Та же мысль прослеживается в очерке «Столыпин» мало кому известного писателя-эмигранта Всеволода Никаноровича Иванова (1886—1971). Впервые очерк был опубликован в Гонконге в 1927 году, в нашей печати появился в журнале «Молодая гвардия» только в № 3 за 1990 год. Вот что он пишет:

«Если не ошибаюсь, Морис Палеолог (французский посол. — Авт.) рассказывает в своих воспоминаниях, что, когда В. Н. Коковцев приехал к государю с докладом в Ливадии, заместив убитого Столыпина своей чиновничьей фигурой, государь ему сказал:

— Ну, я очень рад, что теперь не Петр Аркадьевич, а вы...

— Помилуйте, Ваше высочество, — сконфузился Коковцев, — ведь Петр Аркадьевич жизнь положил за вас.

— Да, это так, — сказал государь, — но он уж очень всюду показывался... Во всех газетах писали — председатель совета министров сделал то-то... Сказал то-то... А я? Или я ничего не стою?»

Но разве достаточно этих слов, чтоб обвинить царя в страшном преступлении? Он мог сказать их, чтобы подбодрить нового премьера, а то и предостеречь от поступков, которые в старом премьере ему не нравились.

Будучи в эмиграции, генерал Курлов написал свои воспоминания, в которых пишет о своем искреннем восхищении Столыпиным. Неужели это были воспоминания двуличного Януса?

Сын Столыпина Аркадий Петрович в своем интервью французской журналистке Жанне Вронской, опубликованном 12 июля 1989 года в «Литературной газете», говорит о теплых отношениях между царем и премьер-министром.

«Император был очень работающим человеком, — говорил он. — Все самые главные вопросы он просматривал лично и не поручал своим министрам, и поэтому он с моим отцом работал по вечерам и иногда целую ночь, а к четырем часам утра звонил и говорил: «Принесите для Петра Аркадьевича и для меня две тартилки с сыром и две с ветчиной и пива». Совершенно как студенты, которые готовятся к экзаменам».

Есть еще одна версия убийства Столыпина, высказанная доктором исторических наук В. Сироткиным на страницах «Учительской газеты». Даже не версия, а безапелляционное утверждение о том, что в устранении премьер-министра замешан Союз русского народа. Тот самый, который и был создан с благословения Столыпина. Вначале это было патриотическое движение «за веру, царя и Отечество». А затем уже оформилось в Союз. Его филиалы были во многих городах, в том числе и в Барнауле, о чем я уже писал в первой

части своего очерка. Руководил им доктор Дубровин и его адвокат Бутоми. Заместителем у Дубровина был известный думский деятель Пуришкевич.

«Генеральным призывом «Союза русского народа», — пишет Сироткин, — стал лозунг: «Бей жидов, спасай Россию!» Охранка требовала от его руководителей зачислять в «жиды» всех революционеров-большевиков, меньшевиков, эсеров, националистов, более того — всю либеральную интеллигенцию. Охранка сочинила даже своеобразную «памятку», где к «жидам» относился всякий в шляпе и с козлиной бородкой. На инструктажах боевикам-черносотенцам внушалось, что все образование и все либеральные газеты давным-давно в руках «иудомасонов». Поэтому, если по ошибке и прирежете какого-нибудь земского врача в шляпе, бог простит, ибо все равно, коль они образованные, то непременно «иудо-порченны».

Вообще-то, знакомые мотивы. Любое патриотическое движение, — а Союз русского народа именно таковым и считал себя, по крайней мере, в Барнауле, — обвинять в антисемитизме.

За что же «осерчали» «союзники» из Столыпина, цели которого были параллельны целям Союза?

Не ссылаясь ни на какие документы, Сироткин пишет о том, что якобы после революции 1905 года Столыпин посчитал, «что «мавры из Союза русского народа» сделали свое дело. Поэтому они должны теперь уйти. Но не тут-то было. «Мавры» и стоящая за ними охранка уходят не собирались. Движение создано, деньги отпущены, чины идут. Зачем упразднить полезную структуру? А ну как еще одна революция? «Мавры» ценили свои охранные «тридцать серебряников».

Столыпин вздернул несколько десятков боевиков-черносотенцев, участников еврейских погромов, в том числе и платных агентов охранки. А вот этого-то охранка никак не могла простить «высочке», убеждавшему Николая II выйти из-под влияния промонархического черносотенного движения.

Вот такая туманная версия. Тут возникает много вопросов. Почему для совершения теракта был избран именно «человек в пенсне»? Как он, окончивший гимназию с отличием, юрист, мог согласиться на это? И какие блага могли получить евреи от убийства Столыпина? По крайней мере, коль Столыпин вешал и «союзников» за погромы, евреи могли только приветствовать его. Да и как можно утверждать, что весь Союз русского народа состоял на службе у охранки? Это похоже на то, как впоследствии всех троцкистов и бухаринцев, да и просто «враждебителей», огульно обвиняли в шпионаже. Вообще-то, альянс охранки и Союза русского народа — это что-то новое, ранее «союзников» объединяли с православной церковью и под этим флагом рушили церковь и веру. Что-то здесь не сходится. И потом, мало ли какие инструкции давала охранка своим провокаторам, а они были во всех партиях, мы же не считаем эти инструкции программными документами партий?

Среди всех некрологов, помещенных в газетах по поводу смерти Столыпина, мне показался наиболее проникновенным некролог в органе Союза русского народа, между прочим, самой тиражной газете «Русское знамя».

«Столыпин скончался. Нет слов, которыми можно было бы исчерпать глубину содержания этого потрясающего известия. От руки гнусного убийцы погиб человек, отмеченный Богом в его дарованиях, и царем, облекшим его высоким доверием и властью. Его убили, но не победили. Этот день и час будет записан в русской истории, ибо как бы ни был богат духом русский народ, но и у него найдется немало сыновей, обладавших той мощью рыцарского духа, которой обладал усопший.

Столыпин скончался. В этих словах все любящие Родину и царя, все, преклоняющиеся перед мучеником долга, найдут столько скорби, что невольно обратят молитвенные помыслы к всемогущему Богу о даровании сил осиротевшей семье перенести утрату».

А вот еще одно сообщение:

«В помещении русского собрания состоялось весьма многолюдное собрание представителей национально-монархических организаций, прошедшее с выдающимся подъемом. В горячих речах ораторов отмечено, что малейшие уступки русского общества революции, инородческим угрозам было бы величайшей трусостью».

Под «инородцами» здесь понимались не евреи, как мог бы утверждать Сироткин, а прежде всего финны и поляки. Первые, имея свой сейм, зачастую игнорировали указы царя, о чем незадолго до смерти говорил на заседании Думы Столыпин. Признавая право наций на автономию, премьер-министр призывал не забывать о пролитой русской крови в борьбе за выход к Финскому заливу. Поляки, имея русского губернатора, постоянно бунтовали, при этом свой гнев зачастую обращали на простых русских людей.

Чуть ли не врожденный антисемитизм русских — миф, придуманный сионистскими проповедниками. Вот наглядный пример. Не знаю, как там насчет угроз киевским евреям за смерть Столыпина, но уж родню Богрова истинно русские люди могли бы погромить. Но вот что писала газета «Русские ведомости»:

«Отец Богрова много лет состоит членом киевского Дворянского клуба (состоявшего в основном из русских дворян. — Авт.). Состоялось совещание членов клуба, обсудивших вопрос об исключении старика Богрова из своей среды. Члены клуба пришли к заключению, что ввиду всеобщего уважения, каким пользуется старик, исключать не следует. И рассчитывают, что он сам, по возвращении из-за границы, отошлет Дворянскому клубу свой членский билет. К такому же выводу пришли члены киевского еврейского общественного клуба «Конкордия», где отец Богрова является председателем совета старейшин».

На богослужении в киевской еврейской синагоге предложено было предать Богрова анафеме. Раввин Гуревич поддержал это предложение, сказав:

— Этому безумцу из стен нашей обители мы должны выразить глубокое негодование.

Однако анафеме он так и не был предан, так как перед казнью его исповедовал раввин.

Нет, еврейской общественности смерть Столыпина до определенного момента, о чем я напишу позже, была не нужна. Еще в 1906 г. Столыпин предлагал царю убрать черту оседлости евреев. В 1912 г. специальным указом ценз оседлости евреев был отменен. Правда, пока только в городах. Но евреи и сами не очень-то стремились в села. Тогда и начался массовый наплыв евреев в города Западной Сибири. До этого, например, проживание евреям в Алтайском крае, вотчине царей, было запрещено.

Конечно, среди евреев были определенные круги, особенно из богатой верхушки, которых не устраивало возвеличивание России. Это прозвучало и на ноябрьском заседании Думы, где еще раз расследовалось обстоятельство убийства Столыпина. Делегат Келеповский (не знаю, какой он партии. — Авт.) сказал:

— Столыпин убит, ибо позволил себе пойти национальным путем. Ему могли простить хомячину, финский законопроект, но национализацию кредита — никогда! Бог сподобил его принять мученический конец.

Национализация кредита была убийственной для дельцов теневой экономики, связанных со всеми банками мира, в том числе с германскими.

Германия воевую готовилась к войне. Как мы знаем теперь из многочисленных публикаций о первой мировой войне, подготовка к ней началась сразу же после поражения России в русско-японской войне. Известна история полковника Масоедова, который под прикрытием военного министра Сухомлинова несколько лет шпионил в пользу Германии. В одной из газет того времени, еще до смерти Столыпина, мне попала информация, в которой говорилось о том, что министр иностранных дел Германии с удовлетворением отзывался о переселении русских и украинцев в Западную Сибирь. Так как это, по его мнению, освобождает жизненное пространство в западных областях России для немецких колонистов.

На одном из заседаний Думы Столыпин предложил ограничить, а то и запретить продажу земель немецким подданным, так как они не ассимилируются, а держатся кастово, к тому же с презрением относятся к обычаям и культуре коренных жителей.

В очерке того же В. Н. Иванова есть такой абзац:

«Земельная реформа, столь тяжело и враждебно встречаемая в России, была правильно оценена за границей. Известны слова Вильгельма, что с Россией надо кончать скорее, потому что через десять лет она будет непобедима, как основанная на правильной форме хозяйства».

Тут настаивает пиффа 10 лет, как будто Вильгельм заглянул в столыпинский проект преобразования России, написанный Столыпиным в марте 1911 года, но так и

не обнаруженный до сего дня. Известны только некоторые фрагменты этого плана, высказанные премьером в интервью журналистам и в публичных выступлениях. В статье Игоря Дьякова «Забывтый исполн» (журнал «Наш современник», № 3, 1990 г.) говорится, что первые десять лет Столыпин решил посвятить аграрной реформе и благодаря избытку продовольствия создать «государство без проблем». Брать иностранные займы предполагалось только в первое время и только для исследования недр и строительства шоссейных и железных дорог — так, чтобы к 1927—1932 годам их сеть в европейской России с ее высшей в мире рождаемостью не уступала бы сети Западной Европы. Зарботная плата всех чиновников, учителей, священников, железнодорожных и почтовых служащих увеличивалась — что сразу подняло бы образовательный уровень контингента приходящих в эти сферы людей.

Уже в 20-е годы мы пытались спешно доделать то, что Столыпин намечал еще в 11-м. Это и Турксиб, и КВЖД, и Амурская железная дорога.

Столыпина, как отмечают многие, был ярым пацифистом. И не столько по убеждению, сколько исходя из здравого смысла. Россия была просто не готова к войне. Разгромленный флот, бездорожье, национальная рознь, назревание новой революции. Нужны были реформы, осуществление которых не представлялось без твердой государственной власти. Столыпин и был, как его называли в одном из некрологов, «поэтом государственного дела».

И как поэт-реалист, он просил не мифических 500 дней, а двадцать лет покоя.

На него нападали и слева и справа. Прежде всего, не могли простить его молодости (премьер-министром он стал в 44 года), независимости, стремительной карьеры. Возможно, поэтому многие его разумные предложения встречали в штыки. Когда он подал в отставку, — а это случилось в марте 1911 года, — многие газеты просто восторгались этим. И, возможно, Столыпин ушел бы в отставку и мирно дождал свои дни в поместье, воспитывая детей, которых у него было шестеро. И только письмо царя остановило его от окончательного решения. Не удержусь, чтобы не привести его полностью. Оно тоже впервые опубликовано у нас в очерке «Забывтый исполн».

«Петр Аркадьевич!

За прошедшие четыре дня со времени нашего разговора я всесторонне взвесил и обдумал свой ответ.

Вашего ухода я допустить не желаю. Ваша преданность мне и России, Ваша пятилетняя опытность на занимаемом Вами посту и, главное, Ваше мужественное проведение начал русской политики на окраинах нашего государства, побуждают меня всемерно удерживать Вас. Говорю это Вам вполне искренне и убежденно, не по первому впечатлению.

Теперь посмотрим, что говорят и думают вокруг нас. Какое единодушное сожаление, даже чинные вызвал один слух о Вашем уходе. Неужели после всего этого Вы еще будете упорствовать? Конечно, нет. Я вперед знаю, что Вы согласитесь остаться

ся. Этого требую я, этого желает всякий честный русский.

Прошу Вас, Петр Аркадьевич, приехать ко мне завтра в четверг в 11 часов утра. Помните, мое доверие к вам осталось таким же полным, каким оно было в 1906.

Глубоко уважающий Вас
НИКОЛАЙ».

И Столыпин остался.

Прочитал я все это и подумал, как бrenна в нашем мире слава! Пройдет немного времени, и начавшаяся война затмит и Столыпина и его деяния. Рассеется по миру осиротевшая семья Столыпина. Без

суда и следствия будет расстреляна чекистами его 23-летняя дочь, сын Аркадий по иронии судьбы под еврейской фамилией «Габрилович» найдет спасение в польском Красном Кресте, будут снесены с лика России памятники Столыпину. Но есть в мире некое уравнивающее начало, своеобразное коромысло добра и зла. Опуская одно крыло до какого-то предела, оно вдруг стремительно начинает подниматься вверх, извлекая из колодца забвения незаслуженно туда заброшенное.

г. Барнаул
1989—1991 гг.